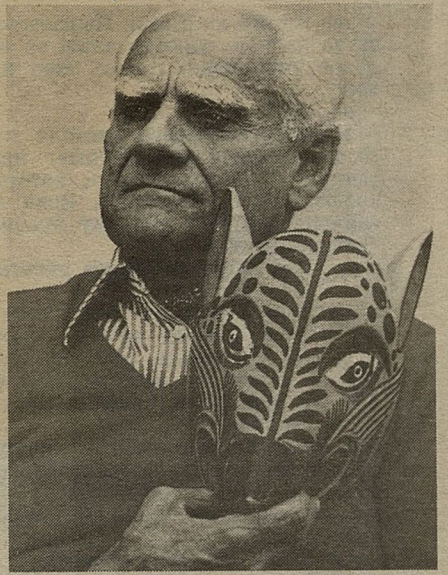
Экран и сцена - 1991 - 14 нояб. (№46) - с. 12-13

Альберто МОРАВИА: «ЖЕНЩИНА-



Год назад в Риме умер Альберто Моравиа. На его письменном столе осталась синяя папка с написанным от руки оригиналом нового романа — «Женщина-леопард». 203 страницы. Моравиа только-только закончил роман и собирался сам диктовать его машинистке. Возможно, во время диктовки он изменил бы что-то, внес коррективы. Но этому не дано было случиться. Рукопись заполучило издательство Бомпиани, и скоро роман с послесловием итальянского писателя Энцо Сичилиано выйдет в свет.

Роман рассказывает историю четырех людей — Лоренцо, его жены Норы, Колли — директора газеты, в которой работает Лоренцо, и его супруги Ады. История начинается в Риме и заканчивается в Африке. Колли приглашает Лоренцо поехать вместе в Габон, чтобы написать серию очерков. С ними едут жены. В Африке на фоне первозданной природы начинается линия Колли — Нора — странные, замешанные на взаимном притяжении отношения, не похожие на обычный пошлый адюльтер, которые равным образом заставляют страдать всех четверых. И которые кончаются смертью Колли.

«Сложная, полная мрачных страниц книга, сочинение, насыщенное странными эмоциями, подогреваемыми почти животными инстинктами. Перед нами совсем не тот кристаллически прозрачный Моравиа, которого мы знали в последние годы, а что-то судорожно ищущий, предельно обеспокоенный человек, — пишет на страницах миланской «Панорамы» литературный критик Роберто Котронео.— Его героиня, которую он за ее яростно проявляющуюся кошачью сущность назвал «женщина-леопард», — существо таинственное, не позволяющее никому войти в ее мир и предельно одинокое».

Мы перепечатываем с незначительными сокращениями отрывок из романа Альберто Моравиа «Женщина-леопард», опубликованный на страницах еженедельника «Панорама».

Уже стемнело, а Лоренцо все сидел, откинувшись в кресле. Он думал о Норе. Он старался вспомнить, как начинались их отношения, потому что сейчас не все шло хорошо, и он пытался понять, с какого момента это началось. Словом, он хотел поступить так же, как поступает путешественник, потерявший дорогу, а именно, вернуться к исходной точке, чтобы найти причину незначительной ошибки, которая позже привела к потере правильного курса.

Было так: он читал в университете лекцию на тему «Что такое профессия журналиста», а в конце представил собравшимся свою новую книгу — сборник путевых очерков. Вот тогда, стоя на кафедре, он и заметил сидящую в первом ряду девушку. Она была похожа на подростка из-за коротко остриженных светлых волос, которые, как золотой шлем, обрамляли ее лицо с нежными, почти мальчишескими чертами. Чуть позже он отметил ее пронзительно-голубые глаза, неподвижные, как бы лишенные взгляда. Эти глаза да еще странное, узкое к вискам лицо придавали ей кошачье выражение. Да, подумал Лоренцо, эта сидящая в первом ряду девушка похожа на кошку, на большую кошку, а быть может, на пантеру или леопарда. Как только ему пришло в голову это сравнение, он почти со страхом заметил, что, непонятно почему, говорит теперь только для этой девушки с золотистыми волосами. Он уже не мог отвести от нее глаз, и каждый раз, когда ему удавалось сказать что-то особенно умное, ему казалось, что он адресовал это исключительно ей. Лоренцо смутно чувствовал, что в этой его манере обращаться к одной-единственной слушательнице было что-то интимное и даже непристойное, но он уже не мог противиться искушению, втайне надеясь, что никто ничего не заметит.

Однако девушка это заметила. Сначала она сидела чинно, с пачкой книг на коленях, тесно сдвинув ноги и одернув юбку. А через минуту он уже увидел ее в совсем иной позе — книги сброшены на сиденье рядом, колени широко расставлены, юбка вздернута почти до живота. Что ж, это он интонацией, взглядами, всем своим поведением приглашал ее раскрыться, и она ответила на этот его призыв.

Так и шло — он говорил только для нее, а она сидела, упрямо и почти судорожно раздвинув колени. Потом лекция кончилась, и пока зал медленно пустел, он увидел, как она присоединилась к небольшой группе студентов, которые направлялись к кафедре, чтобы получить у него автограф. Однако она не захотела про-

«ЛЕОПАРД»

тиснуться вперед, чтобы подойти первой; наверное, радостно подумал он, она решила подойти последней, чтобы поговорить с ним. Так и было. Подойдя к кафедре, она посмотрела Лоренцо прямо в глаза и молча протянула книгу. Он взял книгу, тоже не отрывая глаз от ее лица. Тогда она произнесла:

— Я написала статью о вашей книге. Нельзя ли ее прочитать?

Лоренцо не мог не спросить:

— Как, здесь? Сейчас?

— Нет, в другой раз и где хотите.

Он с готовностью ответил:

— Я напишу номер телефона вот здесь, под моей подписью. Позвоните завтра утром.

— В котором часу?

— Я буду дома все утро.

Позже, уже дома, он ругал себя за неопределенность ответа. Зачем он сказал утром, почему не назвал точный час? Из-за этого он прождал почти до полудня, томясь тревожным нетерпением. Наконец телефон зазвонил, и он услышал ровный и спокойный голос. Она поздоровалась и назвала себя: Нора. И сразу спросила:

— Так когда я могу прийти?

— Когда хотите.

— Я звоню вам из кафе, что внизу. Могу прийти сейчас.

Потом Лоренцо долго ждал, дольше, чем он думал, затем в нетерпении прошел в прихожую, рывком открыл входную дверь и очутился лицом к лицу с Норой. Сразу же заметил ее смущение, его взгляд скользнул по ее руке, которую она спрятала за спину. Не говоря ни слова, Лоренцо схватил ее за руку и увидел, что Нора сжимает в кулаке что-то белое: это были трусики, которые она предусмотрительно сняла с себя на площадке. Лоренцо взял трусики, вопросительно посмотрел на нее, отдал обратно и сказал:

— Все равно входи.

Нисколько не смущаясь, она сунула трусики в сумочку и вошла. Лоренцо прошел вперед, сел в свое кресло в кабинете и сказал:

— Покажи статью.

Он увидел, как она открыла сумочку, пошарила в ней, снова вытащила трусики, затем нашла какой-то листок и протянула ему. Он подумал, что статья очень короткая — всего три четверти страницы. И начиналась с его имени, за которым сразу же следовал восклицательный знак. Сомнений не было: это было объяснение в любви.

Его поразил стиль — прямой, наивный, как у школьницы. И среди прочего — эта фраза упрека: «Вчера в университете я старалась-старалась, чтобы ты обратил на меня внимание, а ты притворился, что не замечаешь». Именно эта фраза сказала ему, что ее вчерашний эксгибиционизм был свидетельством тревожной неуверенности. Оказывается, оба они испытали одинаковое чувство страха: он боялся, что его не поняли, а она — что ее не заметили. Он сказал с легкой насмешкой:

— Интересная статья. Но слишком короткая.

Подхватив этот игривый тон, она ответила с детской непосредственностью:

— Можно продолжить хоть сейчас.

— Хоть сейчас.. Тогда иди сюда.

На дальнейшие действия Лоренцо подтолкнула мысль о кошачьем характере его гостьи. Он подошел к ней и, схватив двумя пальцами за шиворот — так берут котят, — заставил встать и повел ее, послушную, с полуоткрытым ртом в спальню.

Однако в спальне она внезапно — так делают кошки, которые сначала позволяют себя ласкать и вдруг отскакивают прочь,— так и она, оказавшись в постели, выскользнула из его объятий, быстро разделась и бросилась на него. Опершись о постель руками и коленями, она как бы встала на четыре лапы и сквозь зубы пробормотала:

— Не двигайся, я сделаю все сама.

Лоренцо спросил:

— А что именно?

— Я хочу поиграть с тобой.

И начала свою особую игру. Лаская Лоренцо, она не позволяла прикасаться к себе. И вдруг внезапно, словно кошка, которая, вдоволь наигравшись со своей добычей, наконец-то решается проглотить ее, она захватила губами и всем ртом предмет любви. А затем, закрыв рукой рот, убежала в ванную комнату, но почти сейчас же вышла и со вздохом удовлетворения бросилась на постель рядом с Лоренцо. А тот, очнувшись, вдруг понял, что всю полноту наслаждения испытал он один.

С самого начала их отношений именно Нора всегда брала инициативу. Конечно, в любовных играх, которые они продолжали, случались моменты обоюдного наслаждения, но редко. А тот финал их первой встречи, когда он лежал обессиленный, а Нора, казалось, еще была вся переполнена энергией, повторялся довольно часто и стал приобретать в глазах Лоренцо символический смысл. Но какой? Он задавал себе этот вопрос с самого первого дня. Допытывался у Норы, почему она не хочет насладиться вместе с ним. Она отвечала:

— Мне было хорошо, но ты этого не заметил.

Или:

— У меня не было желания.

Или еще:

— Ты хотел заниматься любовью, мы и занимались, что тебе еще надо?

И теперь, сидя в темноте и размышляя о прошлом, он пришел к выводу, что этой акробатической и как бы отстраненной манере заниматься любовью, которую демонстрировала Нора, может быть одно объяснение, то же самое, которое годится и для проституток, продающих тело, но не свое участие. А именно: Нора просто его не любила. Но это объяснение показалось ему неудовлетворительным: Нора постоянно повторяла, что любит его, повторяла это в самые деликатные и интимные мгновения, и у него не было никаких причин для сомнений. Так в чем же дело?

Он подумал, что этому неучастию Норы в любовных играх можно было найти объяснение только в том случае, если постараться выйти за рамки сексуальных отношений. Перебирая в памяти все, что произошло в последнее время, он вспомнил, что Нора не любит, когда он прикасается к ее лицу, и сразу же старается увернуться от его ласки. Что это значит? Как все это может сочетаться с упрямо-искренними утверждениями Норы о том, что она любит его? И здесь Лоренцо вспомнил кошку, которая жила в доме его родителей. Тихая и осторожная, днем она сидела дома, а ночами путешествовала по крышам. И ни в коем случае не позволяла Лоренцо гладить ее. Кошка либо уклонялась от ласк, либо резко поворачивалась и всем видом показывала, что сейчас поцарапает его. Лоренцо спросил у матери, почему кошка не хочет, чтобы ее погладили. Мать ответила:

— Потому что ты ей не нравишься.

— Но ведь мы даем ей жилье, пищу, и за это она должна позволить погладить себя.

— Она эгоистка, не хочет ничего отдавать — только брать. А вообще... Подумай-ка хорошенько: все-таки что-то она нам дает.

— Что же?

— Свою красоту. Она красива, она позволяет нам любоваться ею и бо́льшего дать не желает.

И теперь, вспоминая слова матери, он вдруг подумал, что может объяснить поведение Норы. Как та кошка, она была не просто эгоистична: принимая его, Лоренцо, любовь, она вовсе не чувствовала необходимости платить ему тем же, она просто существовала рядом с ним, позволяя любоваться собой.

Но в чем причины эгоизма Норы? Задав себе этот вопрос, Лоренцо тотчас же понял, насколько он был абсурден. Спросить об этом было так же нелепо, как попробовать понять — почему у Норы голубые глаза.

А ведь ее голубые глаза, снова подумал он, были прекрасны, и ему доставляло наслаждение любоваться ими... Что же до ее эгоизма... И вдруг ему показалось, что он понял: эгоизм Норы тоже был прекрасен.

Перевела с итальянского
Марина АРКАДЬЕВА.